

— Не мои, — ответил Чэн Лие.

Цяо Юаньлинь прикинулся удивленным:

— Значит, я ошибся. Прошу прощения.

Сжав в руке банкноту, он выдавил улыбку Чэн Лие и поспешил улизнуть, пока не выдал себя. Но стоило ему повернуться и сделать шаг, как Чэн Лие его окликнул:

— Если не найдешь владельца, можешь передать ее мне, — наполовину в шутку, наполовину всерьез предложил он. — Слышал ведь ту знаменитую детскую песенку: «Нашел я на дороге копеечку и отнес ее дяде полицейскому»?

Сердце Цяо Юаньлиня пропустило удар:

— Вы... полицейский?!

Пока он шел обратно к ателье ципао, в его груди бушевало пламя. Сердце бешено колотилось — казалось, при виде Лян Чэна он просто взорвется.

Он бросил взгляд на второй этаж, но решил обойти здание и еще немного прогуляться.

Сегодня та супружеская пара за стеной не ссорилась, и в переулке стояла тишина. Цяо Юаньлинь добрел до входа в проулок и, подняв голову, увидел Лян Чэна и Сяо Лэ у стены примерно посередине тупика.

Сяо Лэ заметил его первым и закричал:

— Братец Цяо!

Лян Чэн тоже повернул голову. Даже издали было видно, что на его лице все еще лежал отпечаток той ледяной холодности, что и полчаса назад.

Цяо Юаньлинь растерял весь свой пыл и, пересилив себя, подошел ближе.

На кирпично-красной стене мелом были написаны несколько примеров на сложение и вычитание. Лян Чэн крутил в пальцах обломок мела. Он написал « $5 + 10$ » — Сяо Лэ ответил «пятнадцать». Затем вывел « $13 - 6$ » — мальчик выпалил «восемь», и Лян Чэн легонько пнул его.

Сяо Лэ тут же спрятался за спину Цяо Юаньлиня:

— А что, неправильно?

— Будет семь, — сказал Цяо Юаньлинь. — Вы что, математику учите?

Сяо Лэ уныло протянул:

— Слишком сложно, я не умею.

В наши дни школьники пошли непростые: поймай любого карапуза во дворе жилого комплекса «Боюйюань» — и тот наверняка умеет решать линейные уравнения. Цяо Юаньлинь спросил:

— Ты уже в первом классе?

Сяо Лэ кивнул, но лицо у него стало совсем несчастным. Он перебежал от него к Лян Чэну и тихонько прижался к его ноге.

Боясь задеть хрупкие чувства ребенка, Цяо Юаньлинь достал из рюкзака пачку сырного печенья:

— Сяо Лэ, держи, угощайся.

Красная кирпичная стена пестрела белыми следами, которые смыл бы первый же дождь. Лян Чэн бросил мел в урну и отряхнул пальцы от пыли.

Сяо Лэ спросил:

— Брат Лян Чэн, мы больше не будем заниматься?

Лян Чэн проигнорировал его и молча направился к выходу из переулочка. Цяо Юаньлинь легонько ущипнул расстроенного Сяо Лэ за щеку:

— Иди домой, съешь печенье. Если в следующий раз попадутся трудные примеры, я тебе помогу.

— Братец Цяо, а ты меня пинать не будешь? — прошептал Сяо Лэ. — Брат Лян Чэн какой-то сердитый, так пнул, что попа до сих пор болит. Что с ним такое?

Цяо Юаньлинь и сам не знал. Лян Чэн уже скрылся из виду. Попрощавшись с Сяо Лэ, Цяо Юаньлинь тоже пошел прочь. Солнце палило нещадно, зной тяжелыми волнами катился с неба. Парень тряхнул головой, на лбу выступили мелкие капельки пота.

Кем приходится Лян Чэну этот дядя-полицейский? Зачем он приходил? И связано ли это с тем, что случилось на острове?

Мысли Цяо Юаньлиня путались, вызывая лишь растущее раздражение. Капля пота, собравшись в крупную бусину, скатилась к уголку глаза, заставив его зажмуриться от жжения.

Он с силой потер лицо рукой, но от соли и давления глаза заболели еще сильнее — точь-в-точь как его попытки найти разгадку, которые лишь сильнее запутывали его.

Опустив руку, он вдруг почувствовал желание все бросить.

После встречи с Чэн Лие Лян Чэн явно ходил чернее тучи. Он заперся в своей комнате и не выходил: не ужинал, не ходил в душ, а вечером из-под его двери не пробивалось ни лучика света — он даже не зажигал лампу.

Цяо Юаньлинь слонялся по коридору туда-сюда: подметал пол, протирал рамы картин, охотился на комаров — словом, переделал кучу дел, за которые в обычное время ни за что бы не взялся. Но постучать так и не решился.

На следующий день Цяо Юаньлинь встал пораньше. Полотенце и зубная щетка в ванной висели нетронутыми, а значит, Лян Чэн за всю ночь ни разу не выходил. Вернувшись к себе, Цяо Юаньлинь сел за домашнюю работу, но время тянулось невыносимо медленно.

К вечеру небо затянуло плотными низкими тучами, и где-то вдали глухо гроыхнуло.

Поняв, что появился отличный предлог, Цяо Юаньлинь постучал в дверь:

— Гроза начинается! Надо снять белье!

Дождь хлынул стеной. Замок щелкнул, и дверь отворилась. На Лян Чэне была вчерашняя одежда, под глазами залегли темные тени, а тонкие губы обветрились.

Словно не замечая Цяо Юаньлиня, он прошел на балкон, снял вещи и направился в ванную. Гроза бушевала всего несколько минут, а когда все стихло, небо на горизонте окрасилось в глубокий пурпурный цвет.

Цяо Юаньлинь перегородил коридор. Когда Лян Чэн вышел из душа, он преградил ему путь:

— Мне нужно с тобой поговорить.

Лян Чэн даже не взглянул на него и попытался обойти. Цяо Юаньлинь отступил назад, загородив собой дверь его комнаты:

— Ты сидишь взаперти уже больше двадцати часов. Неужели опять собираешься там киснуть?

— Хороший пес дорогу не загораживает, — бросил Лян Чэн.

Цяо Юаньлинь уже готов был взорваться, но снизу донесся голос Ван Жуйчжи — она звала их помочь перенести кое-какие вещи. Спустившись один за другим, они выглядели мрачнее тучи.

На полу в ателье стояло несколько коробок с тканями. Ван Жуйчжи сказала:

— Мои старые кости уже не те, помогите-ка перетащить это в кладовку.

Для Цяо Юаньлиня это была по-настоящему тяжелая работа, но Лян Чэн без лишних слов поднял одну из коробок. Не желая отставать, Цяо Юаньлинь, стиснув зубы, тоже ухватился за коробку.

— Справишься? — спросила Ван Жуйчжи.

— Справлюсь, — ответил Цяо Юаньлинь, чьи тонкие руки заметно напряглись. — Бабуля, ты что, кирпичи в эти рулоны запрятала?

Ван Жуйчжи рассмеялась:

— Ну и выдумщик. Неси давай, а я пока сварю вам таньюань на молоке.

Маленькая кладовая находилась в самой глубине первого этажа. В этой вытянутой комнате вдоль трех стен тянулись до самого потолка шкафы из цельного дерева, заставленные рулонами тканей и готовыми ципао. Посередине оставался лишь узкий проход.

Каждый из них сделал по два захода. Установив коробку, Лян Чэн развернулся и столкнулся с Цяо Юаньлинем, который не спеша вошел внутрь и снова заблокировал проход.

В кладовке не было окон, тусклый свет от единственной лампы отбрасывал глубокие тени под высокими надбровными дугами Лян Чэна, делая его похожим на призрак. Освободив руки, Цяо Юаньлинь не сдвинулся с места.

— Знаю я эту поговорку про собаку, — сказал он. — Но я человек, так что стою где хочу.

— Что тебе еще нужно? — спросил Лян Чэн.

Цяо Юаньлинь не сдавался:

— Давай поговорим начистоту.

— Ты ничего не перепутал? — спросил Лян Чэн. — Я арендатор, ты арендодатель. Я плачу за жилье, и мы не настолько близки, чтобы откровенничать друг с другом.

— Тебе обязательно так себя вести? — Цяо Юаньлинь никогда не считал их друзьями, но столь глухая стена со стороны Лян Чэна начинала выводить его из себя.

Лян Чэн шагнул к нему вплотную:

— Отойди.

В душе Цяо Юаньлиня вспыхнул гнев, и он не сдвинулся ни на сантиметр. Неужели Лян Чэн посмеет применить силу прямо у него дома? Но терпение Лян Чэна лопнуло. Он схватил парня за плечо и бесцеремонно оттолкнул в сторону.

Цяо Юаньлинь покачнулся и ухватился за шкаф, а когда восстановил равновесие, Лян Чэн уже ушел.

Все накопившиеся за последнее время вопросы, подозрения и обиды наконец прорвались наружу. Цяо Юаньлинь больше не мог и не хотел это терпеть. Раз договориться не получается, то и незачем тратить силы.

Какое ему дело до того, кто такой Лян Чэн? Чем он занимается, хороший он человек или плохой — какое все это имеет значение?

Лян Чэн прав: он всего лишь хозяин дома. Сдавать жилье нужно ради спокойного заработка. Раз жилец не подходит или несет в себе угрозу, договор нужно расторгнуть. Зачем копаться и докапываться до сути? К чему эта нерешительность?

В ярости выбежав из кладовой, Цяо Юаньлинь крикнул в сторону кухни:

— Бабушка, не вари ничего!

Ван Жуйчжи вздрогнула:

— Что случилось?

— Моя комната слишком маленькая, мне там неудобно, — ответил Цяо Юаньлинь.

— Но ведь Сяо Лян снимает просторную спальню... — растерялась Ван Жуйчжи.

— А если он съедет? — Цяо Юаньлинь уже поднимался по лестнице. — В общем, не вмешивайся!

Лян Чэн только успел зайти к себе, как следом влетел Цяо Юаньлинь и с грохотом захлопнул ногой дверь, словно приготовился к решительной схватке.

Лян Чэн скрестил руки на груди, прислонился спиной к краю стола и включил прикроватную лампу.

В тусклом свете спальни Цяо Юаньлинь замер посреди комнаты:

— Раз я арендодатель, а ты арендатор, то я имею полное право воспользоваться своими правами владельца, верно?

— И чего ты хочешь? — спросил Лян Чэн.

— Я забираю комнату обратно. Больше она не сдается.

Лян Чэн, словно ожидавший этого, спокойно заметил:

— Договор я подписывал с твоей бабушкой.

— А если я расскажу ей о твоих делах и о том, кто ты такой на самом деле? Думаешь, она захочет и дальше сдавать тебе жилье?

— Выходит, ты прекрасно знаешь, кто я такой, — невозмутимо отозвался Лян Чэн.

Цяо Юаньлинь наконец высказал все, что так долго копилось у него на душе:

— Тебе двадцать лет. Ты нигде не учишься, не работает и перебиваешься случайными заработками — это твои собственные слова. Но никто понятия не имеет, чем ты занимаешься, помимо редких подработок курьером.

<http://bllate.org/book/18284/1753028>